

Подгорская А. В.

СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ЗВЕЗДЫ В СТИХАХ И. БРОДСКОГО НА ТЕМУ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/65.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 159-161. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

последней цитаты можно заметить, что глагол *улыбаться* у Ахматовой способен актуализировать сему 'общение'. Об этом свидетельствует заполнение актантной рамки глагола объектом в дательном падеже: *улыбнется тебе*.

Точно так же, как и предикат *смеяться*, глагол *улыбаться* встречается в одном контексте с антонимом *(за)плакать*: «О тебе ли я заплачу странном, Улыбнется ль мне твое лицо?». Необходимо также отметить наряду с переходом глагола *улыбаться* в поле глаголов передачи (*улыбнется мне*) тяготение глагола *(за)плакать* к предикатам со значением 'интеллектуальная деятельность' (*плакать о чем-либо*). Однако такой переход не выходит за рамки кодифицированного языка. Заметим также, что в антитезе «Я смеюсь, а в сердце злобно плачу» противопоставление происходит по линии *внутреннее (истинное) – внешнее (показное)*, а в случае с глаголами *заплакать – улыбнуться* реализуется оппозиция *ты – я*.

Таким образом, Анна Ахматова углубляет вертикальное синтаксическое поле глаголов *смеяться (улыбаться) – плакать (рыдать)*, актуализируя сему 'общение' и переводя их в поле глаголов интеллектуальной деятельности. Кроме того, употребляя противоположные символы, Ахматова усиливает семантику контраста при помощи: антитезы (*Я смеюсь, а в сердце злобно плачу*), оксюморона (*сладко рыдать, горько улыбаться*), тавтологии (*смеяться смехом, улыбаться улыбкой*).

Список использованной литературы

1. Прохорова, С. М. Вертикальные синтаксические поля и национально-культурный компонент. // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Тезисы докладов Международной научной конференции. Часть 1. Мн., 1994. С. 77 – 79.

2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.

СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ЗВЕЗДЫ В СТИХАХ И. БРОДСКОГО НА ТЕМУ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Подгорская А. В.

Магнитогорский государственный технический университет

Семантическая емкость рождественского сюжета в значительной степени обеспечивается символикой составляющих его образов. У Бродского наиболее значительным в этом отношении оказывается образ рождественской звезды. Он проходит через все творчество поэта. В первых рождественских стихах Бродского звезда – лишь традиционный элемент сюжета и никакой иной смысловой нагрузки она не несет. Так в «Рождественском романсе» (1962 г.) образа звезды нет вообще, вместо него «по столице» плывет «ночной кораблик» – луна. В стихотворении 1963 года автор, цитируя Пастернака, пишет, что «звезда, пламенея в ночи, смотрела...»; в следующем – «звезда светила ярко с небосвода»; в стихотворении 1964 года она просто «блестит», а в стихотворении «1 января 1965 года» вообще отсутствует: «Волхвы забудут адрес твой // Не будет звезд над головой...»

Только в 1967 году в стихотворении «Речь о пролитом молоке» Бродский впервые, едва уловимо обозначает как символ надежды – образ горящей в окне лампы. Затем в стихотворении «...И Тебя в Вифлеемской вечерней толпе» (1969 г.) этот символ складывается сразу из трех образов: зажженной в темноте спички, искры электрички и нимба Христа, который «засветился... // на века в непроглядном подъезде».

Наконец, в 1972 году в стихотворении «В Рождество все немного волхвы» поэт впервые четко обозначает, что именно Рождественская звезда становится источником спасительного Света, преодолевающего тьму и безнадежность бытия: «Но, когда на дверном сквозняке // из тумана ночного густого // возникает фигура в платке, // и Младенца, и Духа Святого // ощущаешь в себе без стыда; // смотришь в небо и видишь – звезда. Однако, уже в 1973 году стихотворение «Лагуна» заканчивается констатацией того, что нет ничего: ни Света, ни Звезды.

После 1973 года (это год эмиграции поэта) и Звезда, и вообще Рождество уходят из его творчества, пусть не навсегда, но уходят. В стихотворении 1976 года «Декабрь во Флоренции», как и 1983 – «Первый день нечетного года...» о Рождестве нет ни слова, хотя в предыдущие годы в текстах с такими названиями Оно непременно бы возникло. В стихотворении 1978 года «Помнишь свалку вещей на железном стуле» Рождество существует только на уровне воспоминания.

В 1980 году, через семь лет после «Лагуны» (именно столько времени психологи отводят человеку на адаптацию к новой жизни) в стихотворении «Снег идет, оставляя весь в меньшинстве» у Бродского вновь появляются рождественские образы, но это еще не звезда, а лишь ее «осколок»: «Сколько света набилось в осколок звезды, // на ночь глядя! Как беженцев в лодку. // Не ослепни, смотри!» Но никакой надежды и спасения лирическому герою этот свет не обещает, так как «за душой, как ни шарь, ни черта», а потому и цари с дарами «самозванные», и в колыбелях спят лишь обычные дети.

Только в 1985 году поэт пишет стихотворение «Замерзший кисельный берег» «в день рождения Христа». Несмотря на то, что рождественская сказка замерзла: «Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке // отражения город», лирический герой все же смотрит в небо с надеждой: «...вглядываясь в начертанья // личных имен там, где нас нету: там, // где сумма зависит от вычитанья... // там, где может загореться звезда».

Для Иосифа Бродского она загорается в 1987 году – это год вручения ему Нобелевской премии. Именно это событие, по признанию самого поэта, послужило толчком к созданию стихотворения «Рождественская звезда». Оно сознательно названо так же, как и пастернаковское стихотворение 1947 года, и, по сути, является ответом (а возможно и полемическим выпадом) Пастернаку. Причем «возражения (Бродского) по поводу того, как Борис Леонидович обращался с (рождественским) сюжетом» возникли не в 1987 году, все это плод долгих раздумий и поисков: до этой даты Бродским написано 15 рождественских стихотворений.

В чем же смысл возражений Бродского Пастернаку? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к анализу текстов. В стихотворении Б. Пастернака «Рождественская звезда» щедро разлита внутренняя, глубоко прочувствованная, воспринятая через личный опыт благодать православного вероучения. Стихотворение потому так и впечатляет, что его ясность и лирическая заразительность связаны с евангельской одухотворенностью мира, с евангельским чувством Христа, сына Бога Живаго, с молитвенно-светлым состоянием поэтической души. В сравнении с романтической стихийностью и одухотворенностью «Рождественской звезды» Б. Л. Пастернака стихотворение И. Бродского являет собой пример «формирующего аналитизма» (Е.Б. Келебай) Это почти математическая формула, сознательно лишенная «патетики и изысков» (Бродский). Первые три строчки стихотворения – это четкие и последовательные ответы на вопросы: когда, где, кто и зачем. В отличие от Пастернака Бродский пишет не «русское Рождество, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом», он стремится рассказать о нем так, как «было на самом деле» – отсюда, как нам кажется, стремление к почти математической точности. Сознательно снимая все акценты, поэт реализует всегданнее свое стремление «нейтрализовать всякий лирический элемент, приблизить его к звуку, производимому маятником» [Бродский 1987: 176]

И все же главное расхождение поэтов связано с образом рождественской звезды. Стихотворение Пастернака заканчивается так: «... с порога на Деву, // как гостя, смотрела звезда Рождества». У Бродского читаем: «звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца». Принципиальное возражение Бродского Пастернаку – в трактовке звезды Рождества как взгляда Бога-Отца. Пастернак изображает Рождество как главное событие в жизни человечества и для человечества. Бродскому же интересны коллизии внутри рождественского сюжета: взаимоотношения Бога-Сына и Бога-Отца. Чтобы прийти к такой трактовке автору потребовалось 26 лет.

Традиционно рождественская звезда трактовалась как звезда волхвов, которая явилась им и привела к месту рождения Христа. Бродский же впервые в русской рождественской лирике (проделанная нами работа по ее анализу позволяет это утверждать) интерпретирует образ звезды как взгляд Бога-Отца на своего Сына. Единственная схожая трактовка нами обнаружена в церковных рождественских песнопениях: «Ты тайно родился в вертепе, // но небо поведало всем о Тебе: // избрав устами своими звезду, // привело волхвов поклониться Тебе» [Цит. по: Боголепов 1999: 41] Звезда здесь не только уста, поведавшие миру явление Спасителя, но вместе с тем знамение, символ этого явления, как Крест – символ победы над темными силами. Представляется сомнительным, что эти строчки были известны Бродскому, особенно учитывая его неоднократно декларированную нецерковность; хотя нужно заметить, что трактовка звезды как взгляда Бога, не является чем-то принципиально новым. Для греков и римлян, например, звезды буквально идентифицировались с богами – Венерой, Меркурием, Сатурном и так далее, с целью, чтоб им можно было поклоняться и умиротворять их. В свою очередь к грекам это верование пришло из более древних религий Персии и Вавилона. В символическом смысле эта идея была усвоена и христианством: Дева Мария, например, характеризуется как *Stella Maris* (лат. – Морская звезда), а Иисус Христос – как «Звезда светлая и утренняя». Так и в рождественском стихотворении Бродского «Бегство в Египет» (1988 г.) вполне в духе традиции Младенец Христос уподобляется звезде, осветившей путь человечеству: «Младенец, дремал в золотом ореоле // волос, обретавших стремительно навыв // свеченья – не только в державе чернявых // сейчас, – но и вправду подобно звезде, // покуда земля существует: везде».

Развитием идеи Звезда – Бог можно рассматривать один из символов Христа – «Всевидящее око Божие», возникший еще в средние века, когда считалось предосудительным изображать Бога в человеческом облике. Он представляет изображение человеческого глаза, помещенное сначала в треугольник, затем в круг. Для христиан «Всевидящее око» – есть символ надежды, так как жизнь под всевидящим и всеведующим Богом – более чем страх греха, это утешительное сознание того, что Бог направляет и оберегает их. Прямую параллель с этим христианским символом можно увидеть в рождественском стихотворении Бродского 1991 года «Preserio», в котором Христос, вознесшийся туда, откуда был послан, смотрит на людей. Ночью из космоса на людей смотрят только звезды, то есть и здесь образ Христа – это опять-таки образ звезды. Хотя следует заметить, что акценты поэт расставляет свои, далекие от христианской теологии: в стихотворении и речи нет о том, что Бог охраняет и направляет людей. Нет, Он только «полночным прохожим» (то есть с интересом, но безучастно) смотрит как «бьются фигурки со снежной крупой». Бог-Отец в древнехристианском и раннесредневековом религиозном искусстве первоначально изображался также в виде символического ока или руки (десницы), простирающейся из облака.

Таким образом, мы видим, что И. Бродский, трактуя образ рождественской звезды как взгляд Бога-Отца, не выходит слишком далеко за пределы христианской теологии, но все же, в отличие от Пастернака, самостоятельный шаг он делает. В качестве комментария этому можно привести слова самого поэта по поводу стихотворения Пастернака «Магдалина»: «Чем замечательна изящная словесность – что при использовании религиозного материала метафизический аппетит поэта или самого стихотворения перерастает метафизиче-

ский аппетит доктрины как таковой. <...> Но стихотворение само диктует, строфы накапливаются и обретают массу, которая требует следующего движения, расширения». Этим расширением и становится, с нашей точки зрения, взгляд Бога-Отца. Именно этот образ – стержень, на котором строится вся последующая рождественская лирика поэта, сосредоточенная на взаимоотношениях Бога-Сына и Бога-Отца.

Список использованной литературы

1. **Настигнуть утраченное время.** Интервью Дж. Глэда с лауреатом Нобелевской премии И. Бродским // *Время и мы.* – 1987. – № 97.

2. **Тропарь на чтение пармий** // Цит. по: Боголепов А. А. Рождество, Страстная и Пасха в православном Богослужении. – М., 1973. – 54 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ТОСКА» И «СКУКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полежаева С. С.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

При исследовании языкового выражения эмоций современная лингвистическая наука опирается на понятие «концепт». Если исходить из того, что лингвокультурный концепт семантически представляет собой некую абстракцию, обобщающую значения ряда своих языковых реализаций, то конкретная форма этого концепта будет задаваться объемом лексико-семантической парадигмы, формируемой единицами, передающими этот концепт в языке.

Под концептом мы понимаем представленный в сознании индивида тип, класс явлений действительности, объединенных содержательным или формальным сходством [Клобуков 1998]. Иными словами, концепт определенной эмоции формируется из любых средств языка, описывающих данную семантическую ситуацию. К примеру, концепт «печаль» включает в себя и наречные, и именные, и глагольные лексемы.

В данной статье описываются языковые особенности глагольных лексем *тосковать* и *скучать*, представляющих собой одну из вербальных реализаций концептов «тоска» и «скука».

Концепты «тоска» и «скука» в языковом сознании носителей русского языка представлены следующими параметрами: 1) локализованностью по отношению к субъекту; 2) определенным местом в системе психических областей человеческого сознания; 3) воздействием на другие психические и физические сферы человека; 4) враждебностью человеку и др. [Апресян 1995].

Слово *скука* рассматривается как аналог слова *тоска*, т.е. как «лексема, которая относится к одной и той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 1997: ХУП] (в дальнейшем – [НОСС]). Так, *скука*, будучи психическим состоянием умеренной тяжести (нельзя сказать **тяжелая скука*), в определенных случаях может достигать такого напряжения, которое сближает ее с тоской (*смертная скука, смертная тоска*). Как синонимы слова *тоска* и *скука* представлены в [Словарь синонимов русского языка 1973: 524], ср.: СКУКА (гнетущее тягостное чувство, душевное томление от безделья, от отсутствия интереса к окружающему), ТОСКА *усилит*.

Подобные семантические признаки, выделенные у существительных *тоска* и *скука*, во многом характерны и для глаголов *тосковать* и *скучать* и отражают специфику системных связей, в которые они вступают.

Глаголы *тосковать* и *скучать* связаны синонимическими отношениями через категориально-лексическую сему глаголов отрицательного состояния: «неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно» [НОСС]. Однако между этими глаголами есть важные семантические различия, которые в основном касаются глубины и интенсивности чувства: в зависимости от субъекта, испытывающего чувство, или объекта, на который это чувство направлено, изменяется степень проявления чувства, его экспрессивность и эмоциональность. Вместе с тем в некоторых случаях можно говорить о семантической близости глаголов *тосковать* и *скучать*. Ср.: *Скучать* – томиться, *тосковать* без кого-либо, чего-либо» [Словарь русского языка 1988].

Данные глаголы ориентированы на сферу субъекта и объекта, поэтому в основном они употребляются в развернутых и распространенных предложениях. Редко встречаются случаи их употребления без конкретизации, ср.: - *Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя* (А.С. Пушкин); *Встреча прошла на удивление спокойно, и стоящие в стороне два милиционера откровенно скучали* (Изв. 23.05.1999). В данных предложениях чувства, называемые глаголами *тосковать* и *скучать*, представляются как беспричинные, поэтому человек ощущает лишь внутреннюю пустоту.

В роли субъекта глагола *тосковать* всегда представлен человек, «глаголы чувств антропоцентричны и предполагают в позиции субъекта лексику, указывающую на одушевленное лицо» [Бабенко 1986: 27]. Роль объекта выполняют разнообразные лексемы: время, родина, Россия, наименования родственников и т.д. Ср.: (1) *Майкл сильнее всего тосковал по своей пятилетней дочери и трехлетнему сыну Иване* (Изв. 23.05.1999); (2) *В недрах Минздрава будут рождаться многостраничные «концепции реформ», пока чиновники будут тосковать по «разумной централизации»* (Изв. 15.11.2000).